

КУМИР

У одного из нас (у Льва Аркадьева. — Ред.) с Клавдией Ивановной Шульженко связаны детские воспоминания. — Когда мне еще не было и семи, однажды в Одессе мои родители привели меня в старинный дом на улице Гоголя и познакомили с женщиной, каких я до этого никогда не видел. «Это тетя Клава, — сказала мне мама. — Запомни на всю жизнь. Она — особенная: такие, как она, рождаются раз в сто лет, и не каждые сто лет...» Говорят, что ранние чувства эфемерны. Но то восхищение, тот восторг, которые я тогда испытал, стократ усиленные потом, остались во мне навсегда. Я прожил долгую жизнь, но таких «особенных» женщин, как «тетя Клава», больше никогда не встречал... Так что же в ней такого необыкновенного? Мы постарались нарисовать словесный портрет Клавдии Шульженко в основном ее же словами.

О СЕБЕ

Из автобиографии:
«С детства я мечтала стать актрисой драматического театра. Первое художественное впечатление было связано с отцом. От него я впервые услышала украинские народные песни... его красивый грудной баритон приводил меня в неистовый восторг... Я была влюблена в театр, но выбрала песню. И ничуть об этом не жалею, как не жалею о годах, проведенных на театральной сцене».

Первой сценой в ее жизни стал Харьковский драматический театр, где главным режиссером был тепло вспоминаемый многими актерами Николай Николаевич Синельников, а концертмейстером — худенький мо-

лодой человек с большими зальсынами, которого называли смешно и странно — «Дуня». «Какое у вас необычное имя», — рассмеялась Клава, когда «Дуня», впервые услышав, похвалил ее пение. Он улыбнулся: «Так меня зовут друзья: фамилия моя — Дунаевский, а зовут меня Исаак».

«Как он блестяще аккомпанировал, — вспоминала потом Клавдия Ивановна, — думаю, меня взяли на сцену из-за его игры». Так зародилась эта дружба — на всю жизнь.

Январь 1929 года. На рекламном щите Московского мюзик-холла, что размещался на Большой Садовой, близ Триумфальной площади, — афиша:

«Сегодня и ежедневно — новое аттракционное представление-реву». В перечне номеров — «30 герлс в новой постановке Касьяна Голейзовского, несколько популярных артистов и два новых имени: «С.Образцов — романсы с куклами» и «К.Шульженко — песни-гротеск». Почему «гротеск» — не знал никто, включая и саму исполнительницу, — вероятно, просто дань моде: тогда любили употреблять красивые, звучные, часто непонятные слова. Важно другое: это было первое выступление певицы Клавдии Шульженко на московской эстрадной сцене. Ее судьбой стала песня.

Из писем и телеграмм домой:

«С 13 по 31 — тринадцать концертов. Конечно, устала, но это приятная усталость, потому что сцена и творчество — моя настоящая жизнь».

«Я живу в сутки два часа — когда пою». «Концерты проходят триумфально». **Записка из зала:** «Спойте, пожалуйста, «Руки» — и я у ваших ног».

О ПЕСНЕ

Из интервью журналисту Г.Скорородову
«Я ишу песни, которые мне были бы близки. Первая моя забота — слова, стихи, о чем они говорят. Поэзия — основа песни... Уверена: малоинтересные слова способны погубить песню... Я часто для будущих песен ишу стихи сама — в журналах, поэтических сборниках...»

Один такой сборник — представьте себе, «Стихи поэтов Египта» (перевод с арабского) — хранится среди самых дорогих реликвий у кинооператора Георгия Кузьмича Епифанова. Об истории их любви «Труд» рассказал в одном из своих номеров («Ты вдохнул в меня жизнь», 12.5.95 г.). Почему так дорог ему этот сборник стихов? На странице 139 над стихотворением «Приди» — надпись, сделанная рукою Шульженко: «Жорж, вот это я буду петь тебе. Клавдия». В тексте в некоторых строчках — поправки карандашом: «Я в этой жизни сам себе судья»: вместо «сам», — естественно, «сама»; «приди, меня любимым назови»: вместо «любимым» — «любимой». Остальное — без изменений. Песня состоялась. И вскоре пришла телеграмма из гастрольной поездки: «Цитирую строчки из моей новой песни, посвященной тебе: «Приди и раздели со мной и жизнь, и хлеб, и страсть».

У Георгия Кузьмича — целая библиотечка книг, подаренных ему Клавдией Шульженко. В одной из них — «Когда вы спросите меня», изданной в 1981 году, — есть такое признание: «Фотографии для этой книги отобрал, а часть из них и сам сделал кинооператор, заслуженный деятель искусств РСФСР Георгий Кузьмич Епифанов, дорогой мне человек, с которым я связала свою жизнь».

Но вернемся к песне. Для Шульженко, по собственному ее признанию, «хорошая песня — это маленький спектакль с той разницей, что все роли в нем играют одним исполнителем. Вот почему мне кажется правым сравнение песни с пьесой, а певицы — с драматической актрисой».

В пример она приводит песню «Три вальса»: «Я сразу почувствовала здесь отличную драматургию, но меня испугала сложность задачи: проследить судьбу и характеры героев на протяжении полувек». В этой песне, считает Шульженко, «легко различимы три акта». Акт первый — студенческий бал, где происходит знакомство героев, возникает диалог и зарождается «первое трепетное чувство». Акт второй: серебряная свадьба: «За 25 лет... они изменились, конечно, они могут даже слегка повздорить». Но их любовь... остается такой же яркой». Акт третий «является как бы плодом воображения героини, решившей представить, что будет с ними в день их золотой свадьбы. И снова возникает диалог, и снова — вальс...»

Такое не споешь без яркой актерской индивидуальности. И Шульженко не спела — она показала свою песню, сделав из нее маленький шедевр, законченный спектакль одного актера.

Требовательность Клавдии Шульженко к песне и к себе поистине уникальны, как уни-

кальна и ее любовь и верность своей песне: «Если песня не принимается сразу, я стараюсь не отступать, не падать духом, сохраняя уверенность, что она все-таки полюбится. А бывает и наоборот: песня сразу полетит, запоется. Но еще неизвестно, какой из них предстоит долгая жизнь. Это как в электричестве: цель «композитор — поэт — исполнитель — слушатель» замыкается. Теперь ждешь: вспыхнет ли свет, будет ли он ярким, продолжителен, согреет ли сердца...»

А вот мнение профессионала высокого класса Марии Петровны Макасовой — о героинях песен Шульженко: «При всем многообразии есть у них общие душевные свойства, по которым мгновенно угадывается авторский почерк певицы. Не представляю себе, чтобы героиня Шульженко стала приедаться, жаловаться, сдаваться на милость обстоятельств, не представляю, чтобы она поступилась своим самолюбием, или сфальшивила, или принялась лицемерить. Женщины, с которыми знакомит нас Шульженко, умеют сильно, глубоко чувствовать, но они горды, и поэтому даже о самом больном и горьком у них хватает силы говорить с мужественной сдержанностью».

Похоже, это портрет самой Клавдии Шульженко.

О ВОЙНЕ

Великая Отечественная прошла не только через судьбу, но и через сердце Клавдии Шульженко. В первые же ее дни она вступила добровольцем в ряды действующей армии. Рядовой Красной Армии Шульженко стала одним из художественных руководителей фронтового джаз-ансамбля. Начались концерты на передовой. Здесь, на ленинградском фронте, произошла ее встреча со знаменитым «Синим платочком». Вот как сама она рассказывает об этом в своей книге «Когда вы спросите меня»:

«Однажды после выступления нашего ансамбля в горнострелковой бригаде ко мне подошел стройный молодой человек в форме с двумя кубиками в петлицах: «Лейтенант Михаил Максимов», — представился он. Робя, заливаясь краской от смущения, симпатичный лейтенант сказал мне, что написал песню. «Мелодию я взял известную — вы, наверное, знаете ее — «Синий платочек». Я ее слышал до войны, а вот слова написал новые...». Он протянул мне тетрадный листок: «Если вам понравится, может быть, вы споете?»

«Синий платочек» в том довоенном варианте мне нравился: легкий мелодичный вальс, очень простой и сразу запоминающийся. Но текст его меня не заинтересовал, показался рядовым, банальным... Красивость песню не спасала — мне с ней просто нечего было делать. Лейтенант Максимов написал, по существу, новый текст, сумев... выразить в нем то, что волновало слушателей 1942 года и продолжает волновать до сих пор... Сам «платочек» стал теперь не девичьим атрибутом, что «мелькнет среди ночи», как в прежнем варианте, а символом верности солдата, сражающегося за тех, с кем его разлучила война, — «за них — таких желанных, любимых, родных», «за синий платочек,

что был на плечах дорогих». И произошел случай в моей исполнительской практике уникальный: после одной-единственной репетиции я отдала песню на суд слушателей... и песня попала в точку».

О БЫТЕ

Как она жила — заслуженная, любимая, всенародная?

Из письма Г.К.Епифанову:
«... Ну, как мне не нервничать, когда денег нет, и получать нечего, а ремонт надо делать, и мастера хотят без лакировки пола сто рублей новыми деньгами! А еще обои и т.д. Шубу надо отдать в ремонт, это тоже будет стоить не меньше, как 100—150 рублей...»

«Жорженька, посылаю тебе на пробу новую ленинградскую колбасу под названием «Невская». Правда, совсем немного, но зато с большим чувством...»

Из письма первому секретарю ЦК КПСС и председателю Совета Министров СССР тов.Никите Сергеевичу Хрущеву:

«Уважаемый Никита Сергеевич! Я долго не решалась беспокоить Вас этим письмом, но от людей слышала, что Вы добрый и отзывчивый человек. Я обращаюсь к Вам с просьбой улучшить мои жилищные условия. Я живу в коммунальной квартире, занимаю одну комнату площадью 17,5 кв.метра. Эта комната для меня является и столовой, и спальней, и творческим кабинетом... Здесь я репетирую программу и здесь же болею, что со мной в последнее время бывает все чаще и чаще. Мои болезни — главным образом расстройством нервной системы — являются результатом тяжелых бытовых условий. В квартире, где находится моя комната, проживают еще восемь человек, из которых трое малолетних детей. Постоянный шум, детские крики, необходимость часто проветривать комнату (из-за низких потолков и загруженности комнаты) пагубно отражаются на моем здоровье...»

Принять участие в кооперативном строительстве мне очень трудно, так как в последнее время из-за слабого здоровья я работаю немного, а семья у меня большая... Прошу вас оказать мне помощь в предоставлении отдельной двухкомнатной квартиры и тем самым создать нормальные условия для моего дальнейшего творчества и быта. К.Шульженко, Москва К-1, ул.А.Толстого, 22/2, кв.11».

Письмо это было переслано в исполком Моссовета. Вскоре Клавдия Ивановна получила ответ:

«Тов. Шульженко К.И. На ваше письмо в исполком Моссовета сообщаю, что удовлетворить вашу просьбу о замене имеющейся у вас комнаты размером в 17,5 кв. м на двухкомнатную квартиру не представляется возможным». И подпись: председатель исполкома Московского Совета Н.Бобровников.

Ответ имел продолжение. Клавдия Ивановна собралась с духом и позвонила тов.Бобровникову — пусть он ей все это скажет сам. И он повторил. И еще добавил: «Таких, как вы, у нас много».

Возможно, кто-то скажет: другие времена. Где они сейчас, замшелые бюрократы, для которых имя Клавдии Шульженко — пустой звук?

А что скажете на такой факт сегодняшнего дня? Московский театр эстрады не нашел в своем графике места для юбилейного (в связи с 90-летием) вечера Клавдии Шульженко! Видно, не перевелись еще люди, считающие, что таких, как Шульженко, много... Но мы-то с вами знаем: Клавдия Шульженко — одна. По меньшей мере в нашем уже завершающемся двадцатом столетии. А может, даже и в следующем. Кумир на все времена.

Подборку подготовили Лариса АЛИМАМЕДОВА, Лев АРКАДЬЕВ.

Редакция благодарит заслуженного деятеля искусств России Г.К.Епифанова за помощь, оказанную при подготовке материала, посвященного юбилею Клавдии Шульженко.